

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОТВЕТСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С ТВЁРДЫМИ БЫТОВЫМИ ОТХОДАМИ

Н.М. ӘПСІМЕТ, докторант юридического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби (Республика Казахстан, г. Алматы), e-mail: Apsimet.nurdaulet@gmail.com

А.А. НУКУШЕВА, к.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права Карагандинского национального исследовательского университета имени академика Е.А. Букетова (Республика Казахстан, г. Караганда), e-mail: akuka007@mail.ru

А.Е. КАРИБАЕВА, PhD, ассистент профессора кафедры гражданского и трудового права Карагандинского национального исследовательского университета имени академика Е.А. Букетова (Республика Казахстан, г. Караганда), e-mail: Asel_Karibaeva@mail.ru

В статье анализируется проблема результативности правового регулирования обращения с твёрдыми бытовыми отходами в Республике Казахстан сквозь призму формирования экологически ответственного поведения населения. Исследование ориентировано на выявление институциональных закономерностей трансформации нормативных предписаний в повседневные поведенческие практики. Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена устойчивым нормативно-поведенческим разрывом, проявляющимся в несоответствии между юридически закреплёнными требованиями и фактическими моделями обращения граждан с отходами. Несмотря на формальную завершённость действующей нормативной конструкции, её регулятивный потенциал реализуется неполно, что указывает на ограниченную результативность существующей институциональной модели управления отходами и необходимость комплексного анализа механизмов её имплементации.

Целью настоящего исследования является выявление роли правового регулирования и межсубъектного взаимодействия в формировании экологически ответственного поведения населения Республики Казахстан в сфере обращения с твёрдыми бытовыми отходами (ТБО). Актуальность поставленной задачи обусловлена необходимостью оценки фактической эффективности действующей нормативной модели и выявления факторов, препятствующих её практической реализации.

Методологическая база исследования основана на сочетании формально-юридического анализа Экологического кодекса Республики Казахстан и подзаконных актов с эмпирическим описательным социологическим исследованием. Полевой этап включал анкетирование 678 респондентов в городах Караганда и Алматы с использованием цифровых и бумажных инструментов сбора данных.

Результаты демонстрируют наличие системного разрыва между нормативными предписаниями и поведенческими практиками граждан. Установлено, что большинство респондентов обладают неполной либо отсутствующей правовой информированностью, а экологическая активность носит преимущественно эпизодический характер. Выявлен феномен «сдерживаемого участия», при котором готовность соблюдать нормы ограничивается инфраструктурными барьерами и информационным дефицитом. Полученные выводы обосновывают необходимость перехода от преимущественно декларативно-обязывающей модели к стимулирующей модели регулирования, предполагающей внедрение экономических инструментов, уточнение стандартов инфраструктурной доступности и усиление механизмов контроля и общественного мониторинга.

Данное исследование профинансировано Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. (Грант № AP23490668).

Ключевые слова: экологически ответственное поведение, твёрдые бытовые отходы, правовое регулирование, социологическое исследование, инфраструктурные барьеры, нормативно-поведенческий разрыв, раздельный сбор отходов, экологическая политика, переработка, экономические стимулы, общественный контроль.

Введение

Современные тенденции в сфере управления твёрдыми бытовыми отходами характеризуются усложнением институциональной структуры регулирования и возрастанием требований к результативности государственной политики. Ежегодный объём образования твёрдых бытовых отходов в Республике Казахстан составляет порядка 4,2–4,8 млн. тонн, при этом уровень переработки сохраняется в пределах 25–26 %, несмотря на декларируемые правительственные ориентиры по увеличению доли утилизации и вторичного использования. Указанные показатели свидетельствуют о наличии системных институциональных ограничений и поведенческих барьеров, препятствующих достижению целевых индикаторов, а также отражают ограниченную эффективность действующей модели управления отходами [1].

В 2025 г. наблюдается интенсификация нормативно-стратегической деятельности, направленной на модернизацию системы обращения с отходами. Планируемая разработка специализированной стратегии управления отходами ориентирована на устранение выявленных регуляторных пробелов и формирование целостного институционального механизма, обеспечивающего координацию субъектов и инструментов регулирования. Министерство экологии и природных ресурсов Республики Казахстан анонсировало подготовку комплексного документа, призванного консолидировать подходы к обращению с различными категориями отходов и нивелировать фрагментарность действующего регулирования, включая проблему низкой перерабатываемости и недостаточную интеграцию инфраструктурных решений [2].

Вместе с тем институциональные преобразования не могут рассматриваться изолированно от поведенческого компонента экологической политики. Формирование экологически ответственного поведения населения выступает ключевым условием эффективной имплементации правовых предписаний в сфере обращения с ТБО. Нормативное закрепление обязанностей физических лиц по раздельному сбору и передаче отходов специализированным организациям не обеспечивает автоматического перехода к устойчивым моделям повседневной практики. Значительный объём отходов, направляемых на захоронение либо остающихся вне организованных систем переработки, демонстрирует наличие разрыва между формально установленными требованиями и реальным уровнем нормативного комплаенса [3].

В научной литературе по экологическому праву преобладает анализ отраслевого регулирования и институциональных рамок охраны окружающей среды. Между тем проблематика трансформации поведенческих практик под воздействием правовых механизмов, а также влияние межсубъектного взаимодействия на степень соблюдения установленных требований остаются недостаточно концептуализированными как в отечественной юридической доктрине, так и в эмпирических исследованиях. Отсутствие комплексного междисциплинарного анализа предопределяет актуальность исследования, интегрирующего формально-юридическую оценку нормативной базы с эмпирической верификацией эффективности реализации правовых предписаний на уровне повседневной социальной практики.

Целью настоящего исследования является выявление роли правового регулирования и межсубъектного взаимодействия в формировании экологически ответственного поведения населения в сфере обращения с твёрдыми бытовыми отходами на основе анализа действующих нормативных правовых актов и результатов социологического исследования.

Для достижения поставленной цели поставлены следующие задачи:

- провести анализ нормативно-правовой базы обращения с ТБО в Республике Казахстан и выявить предусмотренные в ней механизмы взаимодействия субъектов;
- исследовать правовые механизмы участия государственных органов, предприятий, общественных объединений и населения в системе управления отходами;

- проанализировать результаты социологического опроса, направленного на выявление уровня правовой информированности и фактического поведения населения;
 - определить институциональные и правовые барьеры, препятствующие формированию устойчивых моделей экологически ответственного поведения;
 - обосновать направления совершенствования правовых механизмов взаимодействия субъектов с целью повышения эффективности правового регулирования в сфере обращения с ТБО.
- Для проверки выдвинутой гипотезы необходимо исследовать нормативную модель регулирования и сопоставить её с эмпирическими данными.

Материалы и методы

Настоящее исследование основано на интеграции теоретических и эмпирических методов научного анализа, что обеспечило сопоставление нормативной модели регулирования обращения с твердыми бытовыми отходами с фактическими социальными практиками. Методологическая конструкция работы ориентирована на выявление корреляции между правовой информированностью населения и характером поведенческих стратегий в сфере экологически значимых действий.

Теоретический блок включал системный анализ действующих нормативных правовых актов Республики Казахстан, прежде всего положений Экологического кодекса Республики Казахстан и соответствующих подзаконных регуляторных актов, регламентирующих вопросы обращения с отходами. Параллельно осуществлялась систематизация научных публикаций, посвящённых проблематике экологической политики, институционального регулирования и формирования ответственного поведения граждан. Проведённый нормативно-догматический и сравнительный анализ позволил уточнить категориальный аппарат исследования и разработать инструментарий, направленный на выявление взаимосвязи между уровнем правовой информированности и фактическими практиками обращения с отходами.

Эмпирическая составляющая была реализована в формате описательного социологического исследования, ориентированного на анализ проблем функционирования системы управления отходами и уровня удовлетворенности населения деятельностью местных органов власти. Сбор данных осуществлялся в период с сентября по ноябрь 2024 г. Территориальной базой исследования выступили города Караганда и Алматы, что обусловлено организационной привязкой рабочей группы проекта и обеспечило возможность проведения полевого этапа с достаточной глубиной охвата.

Анкетирование проводилось с использованием стандартизированной анкеты, включающей 40 вопросов. Опрос осуществлялся посредством цифровой платформы Google Forms; ссылка на анкету распространялась среди респондентов, которые заполняли её в удобное для них время. Дополнительно применялись бумажные версии опросника, предназначенные для участников, не имеющих устойчивого доступа к электронным ресурсам. Совокупный объем эмпирического массива составил 678 анкет.

Формирование выборки осуществлялось на основе добровольного участия респондентов, что предполагает элементы смешанного способа отбора. В структуру анкеты были включены вопросы, направленные на выявление социально-демографических характеристик участников, что обеспечило возможность анализа распределения ответов с учетом возрастных, гендерных и профессиональных параметров.

Структура опросника была разработана с учетом нормативной модели формирования экологически ответственного поведения. Вопросы сгруппированы по шести аналитическим направлениям: социально-демографический профиль; уровень экологической и правовой информированности; поведенческие практики обращения с отходами; оценка состояния инфраструктуры и функционирования системы управления ТБО; нормативные установки и отношение к мерам государственного регулирования; предложения по совершенствованию правовых и институциональных механизмов. Такая композиция обеспечила аналитическую целостность исследования и позволила проследить взаимосвязь между когнитивным восприятием проблемы, реальными действиями респондентов и их оценками действующей правовой системы.

Первичная обработка данных осуществлялась посредством кодирования ответов и формирования единой базы для последующего анализа. В исследовании применялись методы описательной

статистики, включая расчет абсолютных и относительных частот, а также декомпозицию вопросов с множественным выбором на отдельные категории. Интерпретация результатов строилась на сопоставлении показателей информированности, поведенческих стратегий и нормативных установок, что позволило выявить расхождения между декларируемой готовностью к экологически ответственному поведению и фактической практикой обращения с отходами.

Следует учитывать ограничения исследования. Данные основаны на самооценке респондентов, что предполагает вероятность влияния эффекта социальной желательности. Несмотря на значительный объем выборки, полученные результаты не могут рассматриваться как строго репрезентативные в масштабах всей страны. Вместе с тем массив из 678 анкет формирует устойчивую эмпирическую основу для анализа общественного восприятия проблем обращения с твердыми бытовыми отходами и оценки направлений совершенствования правового регулирования в данной сфере. Применение указанных методов позволило получить следующие результаты.

Основные положения

Когнитивный диссонанс и правовой императив против дефицита экологической культуры.

Нормативная модель экологически ответственного поведения населения в сфере обращения с коммунальными отходами формируется на основе правовых предписаний Экологического кодекса Республики Казахстан [4] и корреспондирующих подзаконных актов, образующих целостную регуляторную конструкцию. Указанная система норм определяет юридические обязанности физических и юридических лиц, распределяет компетенцию публичных субъектов и закрепляет процедурные механизмы взаимодействия участников правоприменения.

Обязанности населения институционализируются через совокупность требований к сбору, накоплению и передаче отходов. Экологический кодекс регламентирует раздельный сбор отходов как их аккумуляцию по видам или группам в целях последующего специализированного управления (ст. 321). Данная норма не ограничивается декларативным закреплением принципа селективного обращения, а формирует императивное предписание для лиц, образующих отходы, обеспечивать их накопление в соответствии с установленными фракциями. Конкретизация соответствующего обязательства содержится в Требованиях к раздельному сбору отходов, утвержденных приказом и.о. Министра экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан [5], где закреплены «мокрая» и «сухая» фракции коммунальных отходов в качестве базовых элементов обязательной модели раздельного сбора.

Системообразующее значение имеет закрепление принципа ответственности образователя отходов (ст. 331), в соответствии с которым субъект несет ответственность за надлежащее управление отходами с момента их образования до передачи лицензированным субъектам, осуществляющим операции по восстановлению либо удалению. Указанная конструкция воспроизводит концепцию «polluter pays principle», получившую нормативное закрепление в праве Европейского Союза и международной экологической практике [6]. В данном аспекте национальная модель корреспондирует общеевропейским подходам, предполагающим возложение финансовой и организационной нагрузки на субъект, инициирующий образование отходов.

Полномочия органов публичной власти направлены на институционализацию установленных обязанностей и формирование инфраструктурных условий их реализации. Статья 365 Экологического кодекса закрепляет экологические требования к управлению коммунальными отходами, включая обязательность раздельного сбора и необходимость построения рациональной системы обращения с бытовыми отходами. В развитие указанных положений местные исполнительные органы обеспечивают организацию централизованной системы сбора, определяют места размещения контейнерных площадок, проводят конкурсные процедуры по определению операторов и осуществляют контроль за соблюдением экологических требований. Соответствующая компетенция корреспондирует положениям Закона Республики Казахстан «О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан» [7], закрепляющим организационно-исполнительные полномочия акиматов и формирующим институциональную основу муниципального регулирования в рассматриваемой сфере.

Функциональная конкретизация полномочий органов государственной власти реализуется не только на уровне кодифицированного регулирования, но и посредством подзаконных правовых актов, формирующих операциональный слой правовой архитектуры управления отходами. В указанном контексте значимую роль играют Требования к раздельному сбору отходов [5], утверждённые приказом уполномоченного министерства во исполнение статьи 321 Экологического кодекса. Данный нормативный акт детализирует перечень фракций отходов, регламентирует условия размещения контейнерной инфраструктуры, устанавливает требования к маркировке и организации централизованной системы сбора, обеспечивая трансформацию рамочных предписаний Кодекса в конкретные процедурные механизмы. Многоуровневая конструкция регулирования корреспондирует институциональной модели управления отходами, характерной для государств, реализующих переход к циркулярной экономике [8], где стратегические цели декарбонизации и ресурсной эффективности подкрепляются детализированными административными инструментами.

В системе субъектов регулирования особое место занимают операторы ТБО, обеспечивающие практическую реализацию правовых предписаний. В соответствии с положениями Кодекса и подзаконных правил специализированные организации обязаны осуществлять операции по управлению коммунальными отходами при условии недопущения угрозы причинения вреда жизни и здоровью человека, а также окружающей среде (ст. 327, применительно к содержанию инфраструктуры). Данная обязанность отражает функционально-правовую ответственность операторов, закреплённую в национальной модели регулирования, и предполагает не только техническую надлежащеесть инфраструктуры, но и юридическую устойчивость управленческих решений. В отечественной доктрине подчёркивается, что эффективность обращения с отходами напрямую зависит от нормативной определённости статуса операторов и согласованности их полномочий с публичными функциями государства [9]. Сходные институциональные вызовы фиксируются и в российской правовой литературе, анализирующей реформу твёрдых коммунальных отходов (ТКО), где акцентируется необходимость сбалансированной правовой базы и координационного механизма между региональными операторами и органами власти [10].

Наряду с публично-властными и операторскими элементами существенным компонентом нормативной модели выступают механизмы участия общественности, институционализированные через общие принципы экологического права и международные обязательства Республики Казахстан. Экологический кодекс в совокупности с международным правовым контекстом, включая положения Орхусской конвенции, формирует нормативные гарантии доступа к экологической информации, участия в принятии решений и судебной защиты экологических прав [11]. Указанные положения создают правовые предпосылки для вовлечения населения в обсуждение локальных программ управления отходами и в мониторинг их реализации. В научной литературе справедливо отмечается, что институционализация участия граждан и обеспечение прозрачности экологической информации выступают ключевыми детерминантами доверия к системе управления и уровня фактического соблюдения экологических предписаний [12].

Анализ распределения обязанностей между субъектами управления отходами демонстрирует сочетание нормативных предписаний и процедурных регламентов. Экологический кодекс закрепляет базовые принципы и функциональные обязанности образователей отходов (населения), операторов и органов власти (ст. 331 и 365), формируя структурную основу взаимодействия. Вместе с тем конкретные процедуры координации, коммуникации и обратной связи детализированы фрагментарно, что свидетельствует о модели регулирования, ориентированной преимущественно на установление рамочных обязательств и распределение компетенций. В результате значительный объём процедурной конкретизации переносится на уровень локального нормотворчества и административной практики. Данное обстоятельство обуславливает необходимость активной позиции органов местного самоуправления в разработке программ управления отходами, проведении общественных слушаний и формировании механизмов двустороннего взаимодействия, которые в совокупности обеспечивают функциональную завершённость нормативной модели.

Эмпирическая база исследования сформирована на основе анкетирования 678 респондентов, проживающих в городах Алматы и Караганда. Опрос проводился в индивидуальной форме с использованием стандартизированной анкеты, включавшей 40 вопросов, посвящённых экологической

ситуации в городе, практикам обращения с отходами и уровню правовой информированности. Полевой этап исследования охватывал трёхмесячный период; отбор участников осуществлялся случайным образом среди лиц старше 18 лет. Социально-демографическая структура выборки представлена в таблице 1, где отражены показатели пола, возраста и типа занятости респондентов.

Показатель	Категория	Количество	Процент
Пол	Мужчины	343	50,6
	Женщины	335	49,4
Возрастная категория	18-25 лет	575	84,8
	26-40 лет	45	6,7
	41-60 лет	45	6,7
	61 год и старше	12	1,7
Тип занятости	Наёмная занятость	73	10,7
	Предпринимательская деятельность	7	1,1
	Пенсионеры (без занятости)	4	0,6
	Лица, ведущие домашнее хозяйство	7	1,1
	Самозанятость	12	1,7
	Обучающиеся (без занятости)	563	83,1
	Обучающиеся, совмещающие трудовую деятельность	8	1,2
	Другое	4	0,6

Таблица 1 – Социально-демографическая структура выборки

Структурные характеристики выборки определяют рамки интерпретации полученных данных. В её составе доминирует возрастная группа 18-25 лет (84,8%), а также обучающиеся (83,1%), при практически паритетном гендерном распределении (мужчины – 50,6%, женщины – 49,4%). Следовательно, эмпирические результаты преимущественно отражают установки и поведенческие модели социально активной молодежи. Указанное обстоятельство ограничивает возможность прямой экстраполяции выводов на все возрастные когорты, однако одновременно позволяет выявить тенденции формирования эколого-правовой культуры в группе, характеризующейся повышенной восприимчивостью к институциональным трансформациям и нормативным инновациям.

Анализ показателей правовой информированности выявляет выраженную асимметрию между декларативным знанием о существовании законодательства и содержательным пониманием его норм. Лишь 28,7% респондентов указали на знакомство с законодательством Республики Казахстан в сфере обращения с отходами (195 чел.), 33,1% оценили свою осведомлённость как частичную (224 чел.), тогда как 38,2% прямо констатировали её отсутствие (259 чел.). Совокупная доля неполной либо отсутствующей нормативной информированности достигает 71,3% выборки (483 чел.), что свидетельствует о структурном дефиците правового знания.

Более показательным является индикатор осведомлённости о конкретных мерах ответственности за нарушение правил утилизации ТБО. Полностью информированными себя считают 23,6% респондентов (160 чел.), 42,1% знакомы с санкциями частично (285 чел.), а 34,3% не располагают соответствующей информацией (233 чел.). Сопоставление двух индикаторов фиксирует системный разрыв: доля лиц, декларирующих знание законодательства (28,7%), лишь незначительно превышает долю полностью осведомлённых о санкциях (23,6%). Подобная конфигурация ука-

зывает на поверхностный характер нормативного знания и отсутствие устойчивой когнитивной структуры, способной обеспечивать осознанное и внутренне мотивированное правомерное поведение.

Выявленные результаты коррелируют с выводами международных исследований в сфере управления отходами. Международный анализ мер стимулирования раздельного сбора демонстрирует, что даже при продолжительном функционировании законодательных инициатив в государствах Европы, Северной Америки и Азии их практическая результативность определяется уровнем информированности населения, масштабом просветительских кампаний и степенью вовлечённости местных сообществ в процессы планирования и контроля [13]. В указанном исследовании подчёркивается, что нормативная регламентация не обеспечивает устойчивого поведенческого эффекта при отсутствии системной информационной поддержки.

Сходные выводы представлены в эмпирических работах, выполненных в контексте развивающихся государств. Исследование поведенческих драйверов участия домохозяйств в инициативах «zero waste» в Индонезии показывает, что уровень экологического знания и субъективное восприятие личной ответственности оказывают прямое влияние на вовлечённость в сортировку и переработку отходов; дефицит информации демонстрирует отрицательную корреляцию с соблюдением правил управления отходами и участием в соответствующих программах [14]. В данном контексте информационная составляющая выступает самостоятельным фактором институциональной эффективности и устойчивости регуляторной модели.

Сопоставительный анализ позволяет квалифицировать выявленный уровень правовой информированности как элемент более широкой закономерности, характерной для государств, находящихся на этапе трансформации систем обращения с коммунальными отходами. Преобладание фрагментарного знания – узнавание отдельных норм и представлений о штрафах при отсутствии целостного понимания обязанностей и процедур – формирует зависимость соблюдения правил от внешних факторов: инфраструктурной доступности, интенсивности административного контроля и социального давления.

Особое значение приобретает тот факт, что выборка представлена преимущественно молодёжной когортой с высоким образовательным потенциалом. С учётом данного обстоятельства можно предположить, что в старших возрастных группах уровень нормативной информированности может быть ещё ниже. Это свидетельствует об ограниченной эффективности действующих информационно-правовых механизмов и подтверждает, что нормативная модель обращения с отходами не в полной мере трансформируется в осознанное правомерное поведение через канал правовой информированности.

Институциональный кризис и инфраструктурная недостаточность при общественном запросе на дисциплину.

Анализ фактического поведения населения в сфере обращения с твёрдыми бытовыми отходами позволяет зафиксировать наличие структурного разрыва между когнитивной вовлечённостью и устойчивым нормативным комплаенсом. На уровне установок проблема ТБО сохраняет значимую актуальность: 57,3% респондентов указали, что задумывались о вопросах утилизации (388 чел.). Вместе с тем 25,8% не проявляли интереса к данной тематике (175 чел.), а 16,9% прямо отрицают её значимость (115 чел.). Совокупная доля последних категорий достигает 42,7% выборки (290 чел.), что свидетельствует об отсутствии универсальной экологической мобилизации даже в молодёжной среде. Подобная конфигурация согласуется с выводами зарубежных исследований, согласно которым экологическая установка не трансформируется автоматически в регулярное соблюдение правил; определяющее значение приобретает сочетание информационной определённости, инфраструктурной доступности и локального институционального контроля [15].

Информационный компонент поведенческой модели характеризуется фрагментарностью. Осведомлённость о программах по снижению объёма ТБО продемонстрировали 52,8% опрошенных (358 чел.), 25,8% лишь слышали о них без содержательного понимания (175 чел.), тогда как 21,4% не обладают какой-либо информацией (145 чел.). В сопоставлении с предыдущими результатами данные показатели подтверждают ограниченность когнитивной базы, необходимой для устойчивого

соблюдения регулятивных требований. Международные эмпирические обзоры фиксируют, что дефицит точной и практико-ориентированной информации снижает вероятность перехода от декларативного согласия с экологическими нормами к их систематическому исполнению.

Более выраженные различия обнаруживаются на уровне практического участия. Экологическая активность преимущественно носит эпизодический характер: 56,3% участвуют в акциях 1-2 раза в год (382 чел.), 25,3% не участвуют вовсе (172 чел.). Регулярная вовлечённость фиксируется лишь у 18,4% респондентов: «регулярно» – 10,1% (68 чел.), «ежемесячно» – 8,3% (56 чел.). Данные параметры отражают доминирование ситуационной модели поведения, не закреплённой в виде устойчивой нормы. Аналогичная зависимость выявлена в странах Европейского Союза, где стабильность комплаенса коррелирует с институциональной предсказуемостью системы и уровнем доверия к её результатам [16].

Повседневные практики демонстрируют более высокий уровень включённости, однако сохраняют контекстуальную вариативность: использование многоразовых сумок «всегда» указали 33,1% (224 чел.), «иногда» – 55,7% (378 чел.), «никогда» – 11,2% (76 чел.). Преобладание промежуточной категории отражает переходную модель поведения, при которой выбор определяется ситуационными факторами, а не устойчивой нормативной установкой. Исследования Германии и Нидерландов подтверждают, что даже при развитой экологической культуре поведение остаётся зависимым от степени удобства и доступности инфраструктуры [15].

Наиболее проблемной представляется сфера обращения с опасными бытовыми отходами малых объёмов. 39,3% респондентов выбрасывают батарейки и лампочки в придомовые контейнеры (266 чел.), 34,3% передают их в специализированные пункты (233 чел.), 26,4% аккумулируют дома (179 чел.). Структура распределения свидетельствует о том, что 65,7% выборки либо нарушают требования экологической безопасности, либо не располагают чётким алгоритмом правомерного поведения, что позволяет говорить о наличии механизма «отложенного соблюдения». Международные аналитические отчёты указывают, что именно малые опасные отходы характеризуются наибольшим уровнем несоблюдения процедур вследствие недостаточной инфраструктурной обеспеченности и ограниченной информированности населения [17]. Сходные результаты получены в исследованиях по Японии, где даже при развитой системе раздельного сбора сохраняется значительная доля несоблюдения процедур утилизации малых опасных отходов при отсутствии удобных пунктов приёма [18].

Дополнительный аналитический срез формирует блок вопросов о сдаче вторсырья за последние шесть месяцев. 7,3% респондентов указали, что не сдавали ничего. При этом наиболее часто передавались пластиковые бутылки и макулатура, реже – стекло и батарейки. Подобная селективность демонстрирует зависимость уровня комплаенса от степени инфраструктурной доступности конкретных каналов приёма отходов. Международная статистика подтверждает аналогичную тенденцию: в странах ЕС наивысшие показатели переработки фиксируются по фракциям с наиболее развитой системой сбора (бумага, пластик), тогда как стекло и мелкие опасные отходы характеризуются более низким уровнем вовлечённости населения.

Совокупность полученных данных позволяет квалифицировать степень соблюдения правил как частичную и фрагментированную. Экологическое поведение присутствует, однако не обладает универсальностью и регулярностью; его интенсивность варьируется в зависимости от типа отходов, уровня информационной определённости и инфраструктурной обеспеченности. Сравнительно-аналитическое сопоставление с зарубежным опытом подтверждает, что подобная конфигурация типична для переходных моделей экологического регулирования, однако в условиях нормативной конструкции, закрепляющей обязательность раздельного сбора, она указывает на неполную трансформацию правовых предписаний в устойчивые повседневные практики.

Оценка результативности государственного и муниципального регулирования в сфере обращения с твёрдыми бытовыми отходами формируется на основе повседневного опыта взаимодействия населения с системой коммунальной инфраструктуры и качеством предоставляемых услуг. Эмпирический массив свидетельствует о доминировании умеренно-критической модели восприятия, отражающей признание функционирования системы при одновременном сомнении в её управленческой эффективности.

Распределение оценок существующей системы управления отходами характеризуется преобладанием промежуточной позиции: 48,9% респондентов определяют её как «частично удовлетворительную», 25,3% – как «полностью удовлетворительную», тогда как 25,7% оценивают её как неудовлетворительную. Концентрация ответов в средней категории указывает на наличие институциональной легитимности при дефиците ожидаемой результативности. Соотношение долей полностью удовлетворённых и критически настроенных групп демонстрирует отсутствие устойчивого общественного консенсуса относительно качества функционирования институциональной модели.

Аналогичная тенденция прослеживается при оценке состояния придомовых контейнерных площадок как базового элемента инфраструктурного контура. Удовлетворённость их состоянием выразили 56,7% опрошенных, в то время как 43,3% сообщили о неудовлетворённости. Существенный удельный вес негативных оценок в отношении первичного инфраструктурного звена свидетельствует о том, что критика направлена преимущественно на уровень практической реализации управленческих решений, а не на нормативную конструкцию регулирования как таковую.

Отдельного анализа заслуживает отношение респондентов к вопросам контроля и надзора. 64,6% опрошенных поддерживают необходимость ужесточения контроля за соблюдением правил утилизации ТБО, 11,8% считают действующий уровень контроля достаточным, 23,6% затруднились с ответом. Данная пропорция фиксирует выраженный общественный запрос на усиление исполнительской дисциплины и позволяет констатировать восприятие действующей регуляторной модели как недостаточно обеспеченной эффективными механизмами мониторинга и принуждения.

Содержательная направленность предложенных населением мер совершенствования подтверждает указанную тенденцию. В числе приоритетов доминируют организационно-инфраструктурные решения: обеспечение регулярности вывоза отходов, расширение и модернизация контейнерной сети, внедрение раздельного сбора, усиление контроля со стороны акимата. Характер предпочтений демонстрирует ориентацию не на ревизию нормативной базы, а на повышение качества исполнения уже установленных публичных обязанностей и оптимизацию управленческих процедур.

Критический вектор общественной оценки сосредоточен преимущественно в исполнительском контуре – сфере регулярности обслуживания, технической обеспеченности и надзорных механизмов. Подобная конфигурация формирует аналитические основания для дальнейшего исследования барьеров институционального взаимодействия и уровня доверия к органам публичной власти.

Полученные результаты коррелируют с международными эмпирическими данными. Так, исследование общественного восприятия эффективности управления отходами в муниципалитете Коломбо (Шри-Ланка) показало зависимость уровня удовлетворённости населения от доступности экологической информации и видимых результатов деятельности органов власти; дефицит прозрачности и коммуникации снижает оценку результативности системы [19].

Сходные выводы представлены в европейских исследованиях. В Румынии около половины респондентов выразили удовлетворённость санитарными услугами, при этом значительная доля указала на недостаточную информированность о механизмах управления отходами и каналах обратной связи как фактор, ограничивающий позитивную оценку системы [20]. В польском городе Вроцлав статистически подтверждена связь между восприятием эффективности управления ТКО, уровнем инфраструктурного обеспечения и качеством коммуникации органов власти с населением: повышение прозрачности процедур и стабильности обслуживания сопровождается ростом общего уровня удовлетворённости [21].

Международные данные фиксируют устойчивую закономерность: общественная оценка эффективности системы управления отходами определяется не столько формальным наличием нормативной базы, сколько качеством её имплементации, институциональной прозрачностью и доступностью информации. В обозначенной перспективе результаты настоящего исследования подтверждают универсальный характер зависимости уровня удовлетворённости от состояния инфраструктуры, регулярности предоставления услуг и результативности контрольных механизмов.

В совокупности эмпирические данные позволяют констатировать специфическую конфигурацию институциональной оценки: нормативная модель обращения с отходами в целом сохраняет легитимность, однако её практическая реализация воспринимается как недостаточно

последовательная и управляемая. Критический дискурс концентрируется в сфере административного исполнения, что обосновывает необходимость дальнейшего анализа структурных ограничений правоприменения и трансформации механизмов управленческой ответственности.

Анализ эмпирических данных позволяет констатировать, что ограничители экологически ответственного поведения преимущественно обусловлены институционально-инфраструктурными факторами и не связаны с отрицанием нормативных требований как таковых. Речь идет о затруднениях операционализации предписанных моделей поведения в условиях повседневной практики. Наиболее значимыми причинами непользования пунктами приёма вторсырья выступают дефицит времени (36,5%) и неудобное территориальное расположение (32,6%). Дополнительный сегмент образуют респонденты, ранее не прибегавшие к подобной практике (23%), что свидетельствует об отсутствии устойчивого поведенческого навыка и недостаточной институционализации соответствующей модели комплаенса.

Указанные показатели дополняются рядом транзакционных барьеров, включая неудобные часы приёма, необходимость использования личного транспорта либо несения сопутствующих расходов. Данные обстоятельства подтверждают вывод о транзакционной природе выявленных ограничений. Поведенческая модель в рассматриваемой сфере определяется балансом экологической мотивации и совокупных издержек времени, усилий и материальных ресурсов; при увеличении последних вероятность соблюдения установленных правил объективно снижается.

Наряду с организационными затруднениями выявлен выраженный информационный дефицит. На отсутствие сведений о расположении ближайших пунктов приёма вторсырья указали 438 респондентов; недостаток информации о принимаемых видах отходов отметили 252, о правилах их сортировки – 236. Представленный профиль демонстрирует, что формальное наличие инфраструктуры не сопровождается её полноценной коммуникативной интеграцией в повседневное пространство граждан. Информационная непрозрачность снижает доступность системы и трансформирует потенциальную готовность к участию в ситуацию неопределённости.

Совокупность обозначенных факторов позволяет квалифицировать наблюдаемую ситуацию как феномен «сдерживаемого участия». В данном случае нормативная готовность к соблюдению экологических требований сталкивается с процедурной неопределённостью и отсутствием чёткого, минимально затратного алгоритма действий. Барьер формируется не на уровне ценностного неприятия экологических норм, а на уровне их практической операционализации. В результате конструируется модель частичного комплаенса, ранее зафиксированная при анализе поведенческих практик и характеризующаяся избирательным соблюдением требований в зависимости от доступности инфраструктуры и информационного сопровождения.

С учётом отсутствия в инструментарии исследования прямого вопроса о доверии к государственным институтам его оценка осуществляется посредством совокупности косвенных индикаторов: удовлетворённости системой управления отходами, поддержки мер усиления контроля и готовности к расширению общественного участия. Подобная методологическая конструкция обеспечивает операционализацию доверия как производной от оценки эффективности и легитимности институциональной модели.

В аспекте институциональной легитимации 74,4% респондентов выражают полную либо частичную удовлетворённость действующей системой (25,4% – 172 чел. полностью удовлетворены; 49% – 332 чел. частично удовлетворены). Данные показатели свидетельствуют о признании функционирования модели в целом и её базовой нормативной приемлемости. Одновременно фиксируется критический сегмент – 25,6% (174 чел. неудовлетворённых), что отражает неоднородность восприятия результативности управленческих механизмов.

Более рельефно характер доверия проявляется через отношение к мерам усиления контроля. Поддержку ужесточения надзора выразили 64,6% опрошенных (438 чел.), а 57,9% считают необходимыми изменения в правовых нормах (393 чел.). Подобная конфигурация указывает на условный характер доверия, основанный на ожидании повышения фактической результативности институтов. Поддержка усиления контрольных механизмов в данном контексте отражает не отказ от существующей институциональной конструкции, а запрос на её более последовательную и эффективную реализацию.

Дополнительное подтверждение прагматической направленности доверия обнаруживается в высоком уровне поддержки механизмов общественного участия. Создание общественных комиссий по мониторингу исполнения норм полностью поддерживают 57,3% (388 чел.), частично – 32,0% (217 чел.), не поддерживают – 10,7% (73 чел.). Схожая конфигурация фиксируется в оценке необходимости активной роли населения в разработке экологических инициатив и правовых норм: полностью согласны 62,8% (426 чел.), частично согласны 34,4% (233 чел.), не согласны – 2,8% (19 чел.).

Интерпретация совокупности прокси-индикаторов позволяет определить уровень доверия как рационально обусловленный и прагматически ориентированный. Население признаёт институциональные основы системы обращения с отходами, однако соотносит степень доверия с ожиданием повышения управленческой эффективности, прозрачности процедур и достаточности инфраструктурного обеспечения. Доверие в данном случае выступает функцией воспринимаемой способности государственных и муниципальных органов обеспечивать предсказуемость и результативность экологической политики.

Проведённый анализ нормативной базы и эмпирических данных позволяет констатировать, что ключевые затруднения формирования экологически ответственного поведения обусловлены не дефицитом правового регулирования как такового, а ограниченной степенью его институциональной и поведенческой имплементации. Действующее законодательство Республики Казахстан закрепляет обязанности владельцев отходов по раздельному накоплению, безопасной передаче специализированным организациям и соблюдению иерархии обращения с отходами; на местные исполнительные органы возлагаются функции по организации централизованной системы сбора, установке контейнерной инфраструктуры, определению мест размещения площадок и проведению информационно-разъяснительной работы. В формально-юридическом измерении соответствующая модель характеризуется структурной завершённостью и нормативной определённой. Вместе с тем результаты социологического исследования фиксируют устойчивый разрыв между нормативной конструкцией и фактическими практиками обращения с отходами.

Первый уровень разрыва проявляется в поведенческой декларативности правовых предписаний. Лишь 28,8% (195 чел.) респондентов заявили о знакомстве с законодательством в сфере обращения с отходами, а полностью осведомлёнными о мерах ответственности считают себя 23,6% (160 чел.). Параллельно 39,4% (267 чел.) выбрасывают батарейки и лампы в придомовые контейнеры, тогда как только 34,3% (233 чел.) передают их в специализированные пункты. Зафиксированная диспропорция свидетельствует о неполной интериоризации нормы: юридическая обязанность формально существует, однако не преобразуется в устойчивый поведенческий алгоритм. Следовательно, разрыв формируется на стадии трансляции нормативного предписания в когнитивное усвоение и последующее практическое действие.

Второй уровень связан с институциональной координацией субъектов системы. Несмотря на нормативное распределение компетенций и закрепление инфраструктурных обязанностей, 41,6% (282 чел.) респондентов выражают неудовлетворённость состоянием придомовых контейнерных площадок, а 64,6% (438 чел.) считают необходимым усиление контроля. В качестве приоритетов улучшения обозначены регулярность вывоза отходов (495 чел.), достаточность контейнеров (422 чел.) и установка ёмкостей для раздельного сбора (427 чел.). Указанные показатели отражают несоответствие между формально закреплёнными полномочиями органов публичной власти и воспринимаемой эффективностью их реализации. Разрыв возникает в исполнительском контуре, где нормативная конструкция не обеспечивает предсказуемого и стабильного инфраструктурного результата.

Третий аспект затрагивает сферу правовой коммуникации. 438 респондентов не знают о местоположении ближайших пунктов приёма вторсырья; 252 из них не располагают сведениями о принимаемых фракциях; 236 испытывают неопределённость в правилах сортировки. Информационный дефицит сочетается с инфраструктурными барьерами – отсутствием времени (221 чел.) и неудобным расположением пунктов (202 чел.). Данные обстоятельства указывают на ограниченную операциональную ясность и доступность коммуникационного компонента регулирования. Разрыв формируется между обязанностью информировать население и фактической способностью системы обеспечить понятный, воспроизводимый алгоритм правомерного поведения.

Четвёртый проблемный блок отражает мотивационное несоответствие между обязывающими нормами и стимулирующими механизмами. Регулярное участие в экологических акциях зафиксировано лишь у 18,4% (124 чел.) респондентов (10,1% – 68 чел. регулярно и 8,3% – 56 чел. ежемесячно), тогда как большинство вовлечено эпизодически либо не участвует вовсе. Поддержка усиления контроля и развития инструментов общественного мониторинга демонстрирует общественный запрос на сочетание императивных требований и позитивных стимулов. Указанное свидетельствует об ограниченности исключительно обязывающей модели регулирования. Разрыв проявляется в мотивационной плоскости, где нормативные обязанности не сопровождаются системным снижением транзакционных издержек и формированием устойчивых поощрительных механизмов.

Системная взаимосвязь обозначенных уровней нормативно-поведенческого разрыва концептуализирована в модели, представленной на рисунке 1, что позволяет рассматривать выявленные дисфункции как элементы единой институциональной конфигурации, требующей комплексной корректировки.

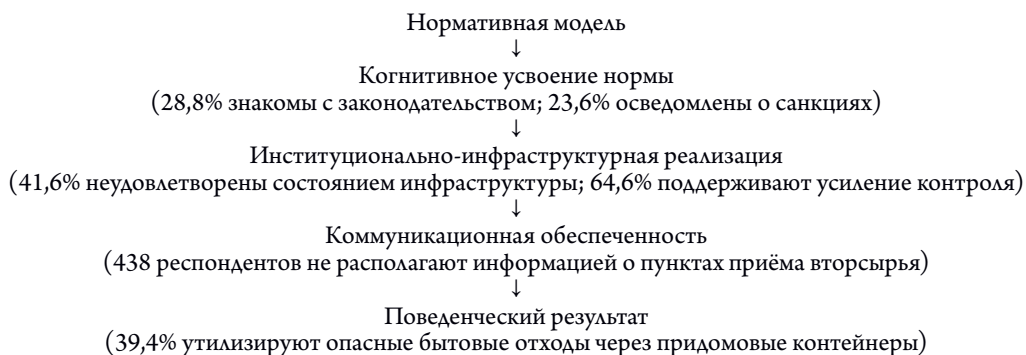

Рисунок 1 – Модель нормативно-поведенческого разрыва в системе обращения с ТБО (составлена авторами на основе результатов социологического исследования)

В совокупности выявленные дисфункции показывают, что зона несоответствия возникает на стыке нормативного предписания, институциональной реализации и поведенческой реакции. Законодательная база содержит необходимые структурные элементы регулирования, однако её практическая имплементация сталкивается с дефицитом информированности, ограниченной координацией субъектов и недостаточной развитостью стимулирующих механизмов. Именно в этой сфере взаимодействия формальной нормы и социального поведения формируется пространство нормативно-поведенческого дисбаланса, требующее дальнейшего научного анализа и разработки эффективных правовых инструментов совершенствования регулирования.

Феномен «сдерживаемого участия» и транзакционные издержки как барьер комплаенса.

Проведённое исследование подтверждает, что действующая нормативная модель обращения с твёрдыми бытовыми отходами в Республике Казахстан характеризуется формальной структурной завершённостью, однако её регулятивный потенциал реализуется неполно в силу совокупного воздействия нормативных, организационных и поведенческих детерминант. Выявленные в предыдущих разделах эмпирические разрывы отражают институциональную дисгармонию между юридическим предписанием, механизмами его имплементации и фактическими практиками населения.

Нормативная проблематика проявляется в преобладании императивной конструкции при недостаточной конкретизации процедурных механизмов реализации закреплённых обязанностей. Экологическое законодательство предусматривает обязанность раздельного накопления отходов,

их передачи специализированным субъектам и соблюдения требований обращения с опасными фракциями. Одновременно эмпирические данные фиксируют ограниченный уровень полной правовой информированности и значительную долю поведенческого несоответствия установленным предписаниям (выбрасывание батареек и ламп в придомовые контейнеры). Данная корреляция свидетельствует о неполной интериоризации правовой нормы и отсутствии устойчивых моделей правомерного поведения. Закрепление обязанности на уровне закона не сопровождается достаточной институциональной детализацией алгоритмов исполнения и критериев оценки результативности, что снижает предсказуемость правоприменения.

Организационный аспект выражается в восприятии инфраструктурной недостаточности системы. Несмотря на нормативно закреплённые полномочия местных исполнительных органов по формированию централизованной модели сбора отходов, 41,6% респондентов оценивают состояние контейнерных площадок как неудовлетворительное, а 64,6% респондентов указывают на необходимость усиления контрольных механизмов. Приоритеты модернизации концентрируются вокруг регулярности вывоза и достаточности контейнерной инфраструктуры. Представленные показатели демонстрируют, что формальное распределение компетенций не гарантирует координированности действий субъектов и не формирует устойчивого ощущения управляемости экологического процесса на уровне повседневных практик.

Поведенческий компонент обусловлен зависимостью уровня комплаенса от величины транзакционных издержек. Существенная часть респондентов не располагает информацией о расположении пунктов приёма вторсырья; одновременно фиксируется неудобство их территориального размещения и дефицит временных ресурсов. В условиях информационной асимметрии и организационных ограничений соблюдение нормы приобретает ситуативный характер. Правовая обязанность функционирует в среде повышенной когнитивной и операционной нагрузки, что объективно снижает вероятность её стабильного исполнения.

Выводы и обсуждение

Реконфигурация регуляторной модели и переход от декларативных обязанностей к экономическим стимулам.

Сравнительно-правовой анализ зарубежных моделей демонстрирует, что устойчивость экологически ответственного поведения обеспечивается интеграцией нормативной обязательности, экономических стимулов и транспарентной системы мониторинга. В государствах Европейского Союза получили распространение депозитные механизмы возвратной стоимости упаковки, дифференцированные тарифы за объём несортированных отходов и публичная отчётность муниципалитетов по достижению целевых показателей переработки. Указанные инструменты снижают транзакционные издержки соблюдения правил и трансформируют юридическую обязанность в экономически рациональную модель поведения. В казахстанской правовой архитектуре стимулирующий компонент развит фрагментарно, что коррелирует с выраженной поддержкой населением мер экономического поощрения и усиления общественного контроля.

С учётом установленных факторов целесообразно совершенствование правового механизма по трём взаимосвязанным направлениям. Во-первых, требуется нормативная конкретизация критериев результативности: закрепление минимальных стандартов обеспеченности контейнерной инфраструктурой, показателей территориальной доступности пунктов приёма вторсырья и обязательности ежегодной публичной отчётности местных исполнительных органов о достижении целевых индикаторов. Во-вторых, необходима институционализация координационных процедур между акиматами, операторами ТБО и органами экологического контроля с определением параметров ответственности и временных регламентов исполнения обязательств. В-третьих, представляется обоснованным развитие стимулирующих инструментов, включая внедрение элементов депозитной системы для отдельных видов упаковки, дифференциацию тарифов в зависимости от объёма несортированных отходов и экономическое поощрение граждан, систематически вовлечённых в переработку.

Комплексное применение обозначенных инструментов способно усилить интериоризацию правовых норм, оптимизировать структуру транзакционных издержек и укрепить институцио-

нальное доверие к системе обращения с отходами. Дальнейшая эволюция регулирования должна быть ориентирована на интеграцию нормативных, организационных и поведенческих механизмов в единую, функционально согласованную модель формирования экологически ответственного поведения населения.

Систематизация полученных результатов и их интерпретация позволяют перейти к формулированию итоговых выводов исследования.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить системные закономерности формирования экологически ответственного поведения населения в условиях действующего правового регулирования обращения с твёрдыми бытовыми отходами. Обобщение результатов, представленных в разделе обсуждения, свидетельствует о наличии институционально обусловленного нормативно-поведенческого разрыва, проявляющегося в несоответствии между императивной моделью правового предписания и фактическими практиками граждан.

Систематизация полученных данных позволяет выделить несколько ключевых положений. Во-первых, зафиксирован выраженный дефицит правовой информированности: свыше 71% респондентов обладают лишь фрагментарными знаниями о законодательстве в сфере обращения с отходами, что снижает уровень осознанного правомерного поведения. Во-вторых, установлено, что несоблюдение требований раздельного сбора обусловлено преимущественно инфраструктурными и организационными ограничениями, а не отсутствием экологической мотивации. Высокие транзакционные издержки – дефицит времени (36,5%), неудобная локализация пунктов приёма (32,6%), неудовлетворительное состояние контейнерных площадок (41,6%) – выступают существенными барьерами реализации правовых норм. В-третьих, выявлен феномен «сдерживаемого участия», выражающийся в расхождении между декларативной поддержкой экологических инициатив и эпизодическим характером поведенческих практик, что связано с недостаточной информационной прозрачностью (438 респондентов не осведомлены о расположении ближайших пунктов приёма). В-четвёртых, установлено наличие общественного запроса на усиление контрольных и стимулирующих механизмов: 64,6% опрошенных поддерживают ужесточение надзора при одновременной необходимости внедрения экономических инструментов – депозитных систем и дифференцированных тарифов.

В кратком выражении результаты исследования сводятся к следующему: эффективность правового регулирования в сфере обращения с ТБО определяется не только содержанием нормативных предписаний, но и степенью их институциональной обеспеченности, информационной доступности и экономической целесообразности для населения. Отсутствие согласованности между данными элементами формирует устойчивый нормативно-поведенческий разрыв.

Научная ценность исследования заключается в разработке концептуальной модели нормативно-поведенческого разрыва, включающей когнитивный, институциональный, коммуникационный и мотивационный уровни дисфункций. Предложенная аналитическая конструкция расширяет доктринальное понимание механизмов имплементации экологических норм и углубляет междисциплинарный дискурс, объединяющий юридический анализ и эмпирическую социологию.

Практическая значимость работы проявляется в формулировании рекомендаций, направленных на совершенствование правового механизма управления отходами: нормативное закрепление стандартов инфраструктурной обеспеченности, институционализация ежегодной публичной отчётности местных исполнительных органов, внедрение стимулирующих экономических инструментов. Реализация данных мер способна повысить регуляторную результативность и укрепить институциональное доверие.

Результаты исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности при детализации процедурных механизмов реализации Экологического кодекса, в системе государственного и муниципального управления при планировании развития коммунальной инфраструктуры и оценке эффективности деятельности местных исполнительных органов, в сфере информационной политики при разработке адресных коммуникационных стратегий, а также в образовательном процессе при преподавании дисциплин эколого-правовой и управленческой направленности.

Н.М. Әпсімет, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің заң факультетінің докторанты (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.); А.А. Нукушева, з.ғ.к., профессор, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды ұлттық зерттеу университетінің азаматтық және еңбек құқығы кафедрасының профессоры (Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ.); А.Е. Карибаева, PhD, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды ұлттық зерттеу университетінің азаматтық және еңбек құқығы кафедрасының профессор ассистенті (Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ.): Қатты тұрмыстық қалдықтар саласындағы халықтың экологиялық жауапты мінез-құлқын қалыптастырудың құқықтық аспектілері.

Мақалада Қазақстан Республикасында қатты тұрмыстық қалдықтармен жұмыс істеуді құқықтық реттеудің нәтижелілігі халықтың экологиялық жауапты мінез-құлқын қалыптастыру тұрғысынан талданады. Зерттеу нормативтік талаптардың күнделікті мінез-құлықтық тәжірибелерге трансформациялануының институционалдық заңдылықтарын айқындауға бағытталған. Қарастырылып отырған мәселенің өзектілігі құқықтық тұрғыдан бекітілген талаптар мен азаматтардың нақты қалдықтармен жұмыс істеу тәжірибелері арасындағы тұрақты нормативтік-мінез-құлықтық алшақтықпен негізделеді. Қолданыстағы нормативтік конструкцияның формальды тұрғыдан жүйеленгендігіне қарамастан, оның реттеушілік әлеуеті толық көлемде іске асырылмай отыр. Бұл қалдықтарды басқарудың институционалдық моделінің шектеулі нәтижелілігін көрсетеді және оны имплементациялау тетіктерін кешенді талдаудың қажеттілігін айқындайды.

Зерттеудің мақсаты – Қазақстан Республикасында қатты тұрмыстық қалдықтармен жұмыс істеу саласында халықтың экологиялық жауапты мінез-құлқын қалыптастырудағы құқықтық реттеу мен субъектілер арасындағы өзара іс-қимылдың рөлін айқындау. Қойылған міндеттің өзектілігі қолданыстағы нормативтік модельдің нақты тиімділігін бағалау және оның практикалық іске асырылуына кедергі келтіретін факторларды анықтау қажеттілігімен негізделеді.

Зерттеудің әдіснамалық базасы Қазақстан Республикасының Экологиялық кодексін және оған тәуелді нормативтік құқықтық актілерді формальды-заңдық талдауды эмпирикалық сипаттамалық социологиялық зерттеумен ұштастыруға негізделген. Далалық кезең Қарағанды және Алматы қалаларында 678 респондентке цифрлық және қағаз форматтағы деректер жинау құралдарын пайдалана отырып сауалнама жүргізуді қамтыды.

Нәтижелер нормативтік талаптар мен азаматтардың мінез-құлықтық практикалары арасындағы жүйелі алшақтықтың бар екенін көрсетеді. Респонденттердің басым бөлігінде құқықтық ақпараттандыру деңгейі толық емес немесе мүлдем жоқ екені анықталды, ал экологиялық белсенділік көбіне эпизодтық сипатқа ие. Нормаларды сақтауға дайындық инфрақұрылымдық кедергілер мен ақпараттық тапшылықпен шектелетін «тежеулі қатысу» феномені айқындалды. Алынған қорытындылар реттеудің басым түрде декларативтік-міндеттеуші моделінен экономикалық құралдарды енгізуді, инфрақұрылымдық қолжетімділік стандарттарын нақтылауды және бақылау мен қоғамдық мониторинг тетіктерін күшейтуді көздейтін ынталандырушы модельге көшу қажеттігін негіздейді.

Түйінді сөздер: экологиялық жауапты мінез-құлық, қатты тұрмыстық қалдықтар, құқықтық реттеу, социологиялық зерттеу, инфрақұрылымдық кедергілер, нормативтік-мінез-құлықтық алшақтық, қалдықтарды бөлек жинау, экологиялық саясат, қайта өңдеу, экономикалық ынталандыру, қоғамдық бақылау.

A.A. Nukusheva, Candidate of Legal Sciences (PhD in Law), Professor, Professor at the Department of Civil and Labor Law, Academician E.A. Buketov Karaganda National Research University (Karaganda, Republic of Kazakhstan); N.M. Apsimet, PhD student, Faculty of Law, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan); A.E. Karibayeva, PhD, Professor's Assistant of the Department of Civil and Labor Law, Academician E.A. Buketov Karaganda National Research University (Karaganda, Republic of Kazakhstan): Legal Aspects of Forming Environmentally Responsible Behavior among the Population in the Field of Municipal Solid Waste.

The paper examines the effectiveness of legal regulation of municipal solid waste management in the Republic of Kazakhstan through the lens of shaping environmentally responsible public behavior. The study is aimed at identifying the institutional patterns governing the transformation

of regulatory prescriptions into everyday behavioral practices. The relevance of the issue stems from the persistent regulatory-behavioral gap manifested in the discrepancy between legally established requirements and the actual waste management practices of citizens. Despite the formal structural coherence of the existing regulatory framework, its regulatory potential remains only partially realized. This indicates the limited effectiveness of the current institutional waste management model and underscores the need for a comprehensive analysis of its implementation mechanisms.

The purpose of this study is to examine the role of legal regulation and inter-subject interaction in shaping environmentally responsible behavior of the population of the Republic of Kazakhstan in the field of municipal solid waste (MSW) management. The relevance of the research lies in the need to assess the actual effectiveness of the existing regulatory framework and to identify factors hindering its practical implementation.

The methodological approach combines formal legal analysis of the Environmental Code of the Republic of Kazakhstan and related subordinate regulations with an empirical descriptive sociological survey. The field research involved a questionnaire administered to 678 respondents in the cities of Karaganda and Almaty using both digital and paper-based data collection tools.

The findings reveal a systemic gap between regulatory requirements and citizens' behavioral practices. Most respondents demonstrate limited or absent legal awareness, while environmental engagement remains largely episodic. The study identifies a phenomenon of "constrained participation," where willingness to comply with legal norms is restricted by infrastructural barriers and information deficits. The results support the need to shift toward an incentive-based regulatory model incorporating economic instruments and strengthened monitoring mechanisms.

Keywords: environmentally responsible behavior, municipal solid waste, legal regulation, sociological research, infrastructural barriers, regulatory-behavioral gap, separate waste collection, environmental policy, recycling, economic incentives, public oversight.

Список литературы:

1. Жемчужина в навозе: доля переработки ТБО в Казахстане достигла 29%, а доля отходов, из которых получено вторсырьё – всего 1%. *Energyprom.kz*. 2025. 26 декабря. URL: <https://energyprom.kz/articles-ru/zhemchuzhina-v-navoze-dolya-pererabotki-tbo-v-kazakhstane-dostigla-29-a-dolya-othodov-iz-kotoryh-polucheno-vtorsyryo-vsego-1/> (08.01.2026).
2. Kazakhstan to Tackle Gaps in Waste Management with Strategy Due by September. *The Astana Times*. 2025. 05 May. URL: <https://astanatimes.com/2025/05/kazakhstan-to-tackle-gaps-in-waste-management-with-strategy-due-by-september/> (09.01.2026).
3. 7 regions of Kazakhstan fail to reach waste treatment targets. *Qazinform*. – 2025. 26 March. URL: <https://qazinform.com/news/7-regions-of-kazakhstan-fail-to-reach-waste-treatment-targets-7397ec> (10.01.2026).
4. Экологический кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 г. № 400-VI ЗРК. ИПС «Аділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K210000400> (05.01.2026).
5. Об утверждении Правил управления коммунальными отходами: Приказ и.о. Министра экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан от 28 декабря 2021 г. № 508. ИПС «Аділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100026341> (06.01.2026).
6. Directive 2008/98/EC of the European Parliament and of the Council of 19 November 2008 on waste. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32008L0098> (12.01.2026).
7. О местном государственном управлении и самоуправлении в Республике Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23 января 2001 г. № 148. ИПС «Аділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148> (07.01.2026).
8. European Commission. Circular Economy Action Plan. Brussels, 2020. URL: <https://ec.europa.eu/environment/circular-economy/> (13.01.2026).
9. Стамкулова Г.А. Проблемные вопросы правового регулирования обращения с отходами в Республике Казахстан. *Eurasian Scientific Journal of Law*. 2022. № 1. С. 47–53.

10. Kozyrin A.N., Yalbulganov A.A. Russian legislation and protection from production and consumption waste pollution. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2020. № 4. P. 181–193.

11. О ратификации Конвенции о доступе к информации, участию общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды: Закон Республики Казахстан от 23 октября 2000 г. № 92-ІІ ЗРК. ИПС «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000092> (08.01.2026).

12. Жадауова Ж.А., Карахожаев О.С. К некоторым вопросам совершенствования законодательства в сфере обращения с отходами производства и потребления. Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2024. № 3 (78). С. 247–256.

13. Baynova M. International experience in stimulating the separate collection of household waste. *Upravlenie*. 2021. Vol. 9. № 2. P. 5–14.

14. Faizal A., Miru S.M., Sabara E. Urban household behavior in Indonesia: drivers of zero waste participation. *ArXiv preprint*. 2025.

15. Knickmeyer D. Social factors influencing household waste separation: a literature review on good practices to improve the recycling performance of urban areas. *Journal of Cleaner Production*. 2020. Vol. 245. Art. 118605.

16. Eurostat. Municipal waste statistics. 2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Municipal_waste_statistics (02.02.2026).

17. OECD. Global Plastics Outlook: Policy Scenarios to 2060. Paris, 2022. URL: <https://www.oecd.org/environment/plastics/plastics-outlook/> (03.02.2026).

18. Moshkal M., Akhapov Y., Ogihara A. Sustainable waste management in Japan: challenges, achievements, and future prospects: a review. *Sustainability*. 2024. Vol. 16. Art. 7347.

19. Niyas N., Rasmiya R., Ruzaik F. Public perceptions on effectiveness of solid waste management in the Colombo municipality area. *Environmental Sustainability and Resilience*. 2022. URL: <https://www.researchgate.net/publication/363804450> (05.02.2026).

20. Mosnegutu E., Przydatek G., Chitimus D. et al. Study on the public information level about the waste management system. *Urban Science*. 2025. Vol. 9. № 5. Art. 148.

21. Zyadin A., Natarajan K., Kuittinen S. et al. Public perceptions of MSW management in Wrocław city, Poland. *Journal of Sustainable Bioenergy Systems*. 2020. Vol. 10. P. 16–29.

References:

1. Zhemchuzhina v navoze: dolyapererabotki TBO v Kazahstanedostigla 29%, a dolyaotходов, izkotoryhpoluchenovtorsyr'yo – vsego 1%. *Energyprom.kz*. 2025. 26 dekabrya. URL: <https://energyprom.kz/articles-ru/zhemchuzhina-v-navoze-dolya-pererabotki-tbo-v-kazahstanedostigla-29-a-dolya-otходов-iz-kotoryh-polucheno-vtorsyryovsego-1/> (08.01.2026).

2. Kazakhstan to Tackle Gaps in Waste Management with Strategy Due by September. *The Astana Times*. 2025. 05 May. URL: <https://astanatimes.com/2025/05/kazakhstan-to-tackle-gaps-in-waste-management-with-strategy-due-by-september/> (09.01.2026).

3. 7 regions of Kazakhstan fail to reach waste treatment targets. *Qazinform*. 2025. 26 March. URL: <https://qazinform.com/news/7-regions-of-kazakhstan-fail-to-reach-waste-treatment-targets-7397ec> (10.01.2026).

4. Ekologicheskii kodeks Respubliki Kazahstan ot 2 yanvary 2021 g. № 400-VI ZRK. *Adilet*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400> (05.01.2026).

5. Ob utverzhdenii Pravil upravleniya kommunal'nyimi othodami: Prikaz i.o. Ministra ekologii, geologii i prirodnih resursov Respubliki Kazahstanot 28 dekabrya 2021 g. № 508. *Adilet*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100026341> (06.01.2026).

6. Directive 2008/98/EC of the European Parliament and of the Council of 19 November 2008 on waste. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32008L0098> (12.01.2026).

7. O mestnom gosudarstvennom upravlenii i samoupravlenii v Respublike Kazahstan: Zakon Respubliki Kazahstanot 23 yanvary 2001 g. № 148. *Adilet*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000148> (07.01.2026).

8. European Commission. Circular Economy Action Plan. Brussels, 2020. URL: <https://ec.europa.eu/environment/circular-economy/> (13.01.2026).
9. Stamkulova G.A. Problemnye voprosy pravovogo regulirovaniya obrashcheniya s othodami v Respublike Kazakhstan. *Eurasian Scientific Journal of Law*. 2022. № 1. P. 47–53.
10. Kozyrin A.N., Yalbulganov A.A. Russian legislation and protection from production and consumption waste pollution. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2020. № 4. P. 181–193.
11. O ratifikacii Konvencii o dostupe k informacii, uchastiyu obshchestvennosti v processe prinyatiya resheniy i dostupe k pravosudiyu po voprosam, kasayushchimsya okruzhayushchey sredy: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 23 oktyabrya 2000 g. № 92-II ZRK. *Adilet*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z0000000092> (08.01.2026).
12. Zhadauova Zh.A., Karahozhaev O.S. K nekotorym voprosam sovershenstvovaniya zakonodatel'stva v sfere obrashcheniya s othodami proizvodstva i potrebleniya. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informacii Respubliki Kazakhstan*. 2024. № 3 (78). P. 247–256.
13. Baynova M. International experience in stimulating the separate collection of household waste. *Upravlenie*. 2021. Vol. 9. № 2. P. 5–14.
14. Faizal A., Miru S.M., Sabara E. Urban household behavior in Indonesia: drivers of zero waste participation. *ArXiv preprint*. 2025.
15. Knickmeyer D. Social factors influencing household waste separation: a literature review on good practices to improve the recycling performance of urban areas. *Journal of Cleaner Production*. 2020. Vol. 245. Art. 118605.
16. Eurostat. Municipal waste statistics. 2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Municipal_waste_statistics (02.02.2026).
17. OECD. Global Plastics Outlook: Policy Scenarios to 2060. Paris, 2022. URL: <https://www.oecd.org/environment/plastics/plastics-outlook/> (03.02.2026).
18. Moshkal M., Akhapov Y., Ogihara A. Sustainable waste management in Japan: challenges, achievements, and future prospects: a review. *Sustainability*. 2024. Vol. 16. Art. 7347.
19. Niyas N., Rasmiya R., Ruzaik F. Public perceptions on effectiveness of solid waste management in the Colombo municipality area. *Environmental Sustainability and Resilience*. 2022. URL: <https://www.researchgate.net/publication/363804450> (05.02.2026).
20. Mosnegutu E., Przydatek G., Chitimus D. et al. Study on the public information level about the waste management system. *Urban Science*. 2025. Vol. 9, № 5. Art. 148.
21. Zyadin A., Natarajan K., Kuittinen S. et al. Public perceptions of MSW management in Wroclaw city, Poland. *Journal of Sustainable Bioenergy Systems*. 2020. Vol. 10. P. 16–29.

Для цитирования и библиографии: Эпсимет Н.М., Нукушева А.А., Карибаева А.Е. Правовые аспекты формирования экологически ответственного поведения населения в сфере обращения с твердыми бытовыми отходами // *Право и государство*. № 2(111), 2026. – С. 103-120. DOI: 10.51634/2307-5201_2026_2_103

Материал поступил в редакцию 19.11.2025